Чиновник особых поручений

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

Год первый (1833)

В Оренбург В.И.Даль приехал летом 1833 года. Началась его восьмилетняя служба в должности чиновника особых поручений при военном губернаторе В.А. Перовском, только что назначенном на этот пост. Хотя Далю шел всего тридцать второй год, у него уже был богатый жизненный опыт морского офицера и военного хирурга.

Родился он 22 (10 по старому стилю) ноября 1801 года в Луганске в семье старшего лекаря литейного завода. Иван Матвеевич (Иоганн) Даль, по происхождению датчанин, переселился в Россию в екатерининское время и, связав себя с ней навсегда, воспитал своих детей подлинными патриотами новой родины.

Среди предков его жены были немцы, французы, швейцарцы, но сама она родилась в России, а ее мать, бабушка В.И. Даля, не просто знала и любила русский язык, но занималась литературными переводами с немецкого и публиковала их.

В.И.Даль получил начальное образование дома и продолжил его в Петербурге, в морском кадетском корпусе. Окончив его в 1819 году в чине мичмана, он служил сначала на Черноморском, затем на Балтийском флоте и вышел в отставку лейтенантом в 1826 году - согласно поданному им прошению.

Отказавшись от карьеры морского офицера, Даль начал новую жизнь: стал изучать медицину в Дерптском университете и вскоре сделал блестящие успехи, особенно в хирургии. Из-за начавшейся турецкой войны учебу ему пришлось окончить раньше срока. В марте 1829 года, сдав надлежащие экзамены и получив диплом доктора медицины, он отправился по назначению в действующую армию. Войну Даль прошел ординатором передвижного госпиталя и после завершения кампании был награжден "за усердную службу" орденом Св. Анны 3-ей степени. Позднее, оставаясь военным врачом, он заведывал лазаретом в Умани, боролся с холерой в Каменец-Подольске, а в 1831 году вновь оказался в действующей армии - при подавлении польского мятежа.

Здесь В.И.Даль имел случай применить свои технические познания и опыт морского офицера: он сумел в сложных боевых условиях с помощью подручных средств - плотов, лодок, паромов, бочек - построить понтонный мост через Вислу и организовать переправу войск, что немало способствовало победе. Описание этого моста Даль опубликовал в 1833 году отдельной книжкой, а спустя три десятилетия оно было вновь напечатано в "Военно-инженерном журнале". Редакция отмечала, что не знает другого случая успешной переправы через большую реку на глазах неприятеля при подобном отсутствии средств, материальных и технических, - "все это заменялось дарованиями доктора Даля". Перепечатку текста в специальном журнале сочли необходимым, так как у Даля "технические подробности, строго последовательный порядок изложения всех действий переправы и поучительные военные эпизоды делают его военно-ученую статью достойной второго и даже третьего изданий". За польскую кампанию В.И.Даль был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени.

После войны Даль переехал в столицу, получив весной 1832 года место ординатора в петербургском военном госпитале. Вскоре он прославился своими хирургическими операциями, особенно глазными, которые проводил виртуозно, тем более что был способен действовать одинаково правой и левой руками.

В это время его начало интересовать новое направление в медицине - гомеопатия, и постепенно он стал ее горячим приверженцем, так как разочаровался в методах лечения, которые применялись в терапии. Напряженная профессиональная деятельность медика не до конца заполняла жизнь Даля. Хорошо известно, что с юных лет в нем проявился литературный талант и обостренный интерес к народному языку, побуждавший его в течение всей жизни собирать и записывать областные слова и обороты речи, пословицы, поговорки и т.д. Литературой он начал заниматься еще во время пребывания в морском кадетском корпусе, а печататься стал будучи студентом Дерптского университета. В Петербурге он скоро вошел в круг столичных литераторов, которым, по словам его биографа, "были известны необыкновенные способности Даля, разнообразие его познаний, честная самостоятельность характера и скромное, упорное трудолюбие". В журналах стали появляться его статьи за подписью "Владимир Даль, отставной флота лейтенант и доктор медицины", а в 1832 году он опубликовал - под псевдонимом "Казак Луганский" - первый сборник русских сказок, который сразу принес ему литературную известность.

Этот же сборник в немалой степени послужил причиной нового крутого поворота в жизни В.И.Даля. Сатирический тон сказок вызвал подозрение в политической неблагонадежности автора. Он был привезен в III отделение императорской канцелярии и подвергся аресту, впрочем, недолгому, так как в результате ходатайства влиятельных друзей сразу же последовало его освобождение. Однако под впечатлением инцидента Даль с готовностью принял должность, предложенную ему В.А. Перовским, в начале мая 1833 года оставил службу в военно-медицинском ведомстве, был зачислен в чиновники Министерства внутренних дел и, покинув столицу, уехал в далекий Оренбург. Перед отъездом он вступил в брак с Юлией Андре и к месту службы прибыл вместе с молодой женой.

Почти сразу Даль получил первое серьезное поручение. В распоряжении Перовского, подписанном 17 августа 1833 года, значилось: "Предполагая употребить Вас по разным делам внутри вверенного мне края и желая, чтобы Вы не упускали случая ознакомиться со всеми подробностями и наипаче местностями его, предлагаю Вам... отправиться на первый раз в землю уральских казаков". Одновременно управляющий Уральским казачьим войском полковник Покотилов получил приказ распорядиться в отношении Даля, "чтобы в пределах войска Уральского было оказываемо ему в потребных случаях законное пособие и чтобы все требуемые им сведения доставлялись без промедления".

Из архивных документов мы узнаем, что командировка длилась не менее месяца. В рапорте от 21 сентября Даль докладывал военному губернатору: "Объехав по предложению Вашего превосходительства войско Уральское и имев уже честь отдать Вам лично отчет о сей поездке, осмеливаюсь просить покорнейше, дабы следующие мне казенные прогонные деньги за проезд от Оренбурга через Уральск до Гурьева, обратно до крепости Калмыковой, от оной до орды Букеевской, обратно по Узеням на Александров Гай ... в Уральск и наконец степною дорогою через Илецкий Городок в Оренбург, всего за 2050 верст на три лошади, то есть 307 рублей и 60 копеек - повелено было отколе следует мне выдать".

По возвращении из командировки Даль встретился с А.С.Пушкиным, который - "нежданный и нечаянный" - приехал в Оренбург 18, а уехал оттуда 20 сентября, и, как известно, практически не расставался с ним.

В эти дни В.И. Даль был полон впечатлениями от поездки по землям Уральского войска и поделился ими с издателем петербургской газеты "Северная пчела" Н.И. Гречем в письме, датированном 25 сентября. Эта "Корреспонденция" была опубликована за подписью Казака Луганского 11 октября 1833 года и с тех пор никогда не перепечатывалась. В ней содержатся интересные сведения об Оренбургском крае и об уральском казачестве.

Ниже приводим ее текст.

Корреспонденция

ПИСЬМО К ГРЕЧУ ИЗ УРАЛЬСКА

Уехав из Питера и не простившись даже с вами, хотел я писать вам немедленно по прибытии моем в Оренбург; день за днем, и вот уже прошло двенадцать недель со дня отбытия моего из столицы, когда судьба привезла меня на карандас (повозка) в Уральск. Если вообще край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого, то Уральское войско и заповедный быт его, столь мало известный, заслуживают внимания и удивления. Край Оренбургский для нас важнее и значительнее, чем многие думают; едва ли Кавказ, со всеми причудами своими, может обещать то, что заповедает восточный склон хребта Уральского, Общего Сырта и прилежащие к Уралу степи. Не говоря о том, что Башкирия, т.е. Оренбургская губерния, красуется Природою, какой нет более нигде в России, ниже о неисчерпаемых богатствах золотоносного Миняса и множества ему подобных ручейков, несущих из недр кремнистых гор веками в песок истертые золотые жилы окаменевших исполинов, - хочу я намекнуть только на предстоящий торговле нашей огромный переворот чрез непосредственные сношения и связи с Южною Азией, и если это сбудется, то нет, кажется, сомнения, что мы достигнем цели сей не чрез Кавказ, даже едва ли когда чрез Астрахань и Каспийское море, но чрез Киргиз-Кайсацкие степи. Но я возвращаюсь к Уральцам. Они сказывают сами, что предки их поселились при Иоанне Грозном на Яике, что ныне Урал. Выходцы сие состояли, по общему мнению, из Донских казаков, старообрядцев, Кубанских и Крымских татар, всего не более полусотни человек, к коим присоединились впоследствии заводские и другие вольные или самовольные люди; по уверению же некоторых стариков, прадеды их были ушедшие от опалы царя Иоанна Грозного стрельцы; вот почему Заруцкий, начальствовавший некогда над стрелецкою дружиною, искал с Маринкою Мнишех убежища и спасения на Яике. Выходцы сие, достигшие Яика, или чрез Каспийское море, куда заходили Волгою, или чрез реку Самару, впадающую в Волгу, и приближающуюся у нынешней Переволоцкой крепости на 20 верст к Уралу, заняли Яик и г. Сарайчик, столицу Золотой Орды, как Ермак Сибирь, самовольно, а Переволоцкая крепость получила, вероятно, название свое от переволока, между Самарою и Уралом. Новые поселенцы набегами сказывались соседям, Киргизам, Татарам, Калмыкам, даже Хивинцам и Персиянам, и были известны, как воины стойкие и отчаянные. Уралец и поныне считает стыдом употребить при нападении огнестрельное оружие: он сбивает противника пикою. В 1613 году предались Уральцы в подданство России, имели от Царя Михаила Феодоровича грамоты на земли свои; но грамоты сие затеряны во время пожаров или частных смут, несколько раз здесь возникавших, и это причиною великого бедствия для Уральцев, ибо ныне, исключая северных пределов Уральских, все остальные у них оспариваются соседями.

На Яике искала убежища Мария Мнишех; явился Стенька Разин, безчинствовал Емеля Пугачев. - Нынешние казаки, живя в спокойствии и довольстве, представляют проезжему приятную картину порядка, опрятности, достатка, хлебосольства, внимательности к проезжему и какой-то служебной учтивости и почтения, что, в сравнении с неповоротливою обходительностью русского мужичка, приятно изумляет. Со вступления в Уральскую землю, вы можете завязать и, пожалуй, запечатать кошелек, никто и отнюдь никогда не попросит на водку, никто не возьмет платы за съестные припасы, радушно вам предлагаемые. Русь первобытная, современная первым Царям Русским, до - Никоновский быт, со всеми странностями своими, радующим и закоренелым предрассудками, процветает здесь и тщательно оберегается непреклонными, безусловными чтителями старины. Уральцы-христиане суть старообрядцы; между сими еще довольно расколов. Казачки всех чинов и состояний, все одеваются одинаково - по-русски, богато и даже роскошно. Сарафаны их отличаются от русских тем, что покрывают грудь и шею, а рукава рубахи бывают цветные и обыкновенно шелковые. Уральский город большой; каменных домов много; обитают в них люди зажиточные, хлебосольные, храбрые, но образованных очень немного, а между женщинами и вовсе нет. - Если уралец и не имеет особого наречия, то, по крайней мере, у него свой выговор; он произносит зубныя буквы: и,д, р, т, тверже и острее, почти как англичанин, говорящий по-русски. От чего это? На целой Руси не слыхать такого произношения, которое здесь, особенно у женщин, весьма заметно. Нельзя ли где-нибудь у новгородцев отыскать решения сей загадки?

Казак в одеянии и вооружении всегда, вообще всегда перенимает много у соседей: Черноморцы доселе носят откидные рукава; кавказского линейного казака едва можно отличить от черкеса и кабардинца; уралец ходит в бухарском халате, в стеганке, и вообще более носит шелк и бумагу, нежели сукно. Спрашивается: высокая, черная шапка уральца, прямая, без раструба, которой ныне нигде не видать в России, и вместо которой донцы носят треухи, есть ли также хивинская, или это подлинно еще остаток стрелецкой одежды?

Казаки живут скотоводством и рыболовством; без этих промыслов уралец не может существовать; хлеба он не сеет, ибо земля его, носящая на себе несомненные признаки недавнего от вод каспийских обнажения, хлеба не родит вовсе. Здесь земель нельзя межевать по-христиански, сказав: вот это твое, это мое, а это его, - здесь надобно только установить, кому, когда и куда приходить. Казак в урочное время скашивает траву; киргиз прикочевывает вслед за ним, и уходит на зимовку в камыши, и так далее. На сенокос выходит в день, назначенный войсковым начальством и объявленный по базарам, целое войско, и бьет траву, в несколько тысяч кос вдруг. Но рыбная ловля здесь занимательнее всего. На это назначается несколько сроков в году, имеющих каждый свое название: плавня, осенняя и весенняя, перед коими бывает ярмарка и скачка, и багренье - суть главные из них. Ловить рыбу не в срок есть преступление уголовное. Летом ставится под Уральском поперек Урала учуг, то есть закол; рыба идет с моря, и останавливается на ятовьях, ею избираемых, где бьет икру. Казаки замечают, где рыба становится, и в назначенный день и час, по вестовой пушке, все войско кидается на челны, летит в запуски, обгоняя друг друга, и вытаскивает на каждом шагу белуг, осетров, севрюг. Это называется скачкою на бударах, а перебегаемое в день пространство ударом. Это продолжается две, три недели, а между тем по берегу идет гульба и пиршество без конца; тут потрошат и солят рыбу, приготовляют икру, укладывают и отправляют на безконечных обозах. Зимою, на багрень, то же, только иначе. По пушке кидается войско на лед, бьет проруби, запускает багры. - Вы ахнете, если увидите, что и с каким проворством и ловкостью тут делается! Покуда я теперь написал две последния строки, лед уже покрыт багорщиками и осетрами, нисколько не меньшими первых. Такой осетр тянет пуда четыре, дает икры более полупуда, а белуга нередко тянет более 20 пудов, дает икры пуда полтора. И все это делается на реке, которая не только не чета Волге или Днепру, но которая может только потягаться с вашею Фонтанкою. Урал не шире ее, местами только глубже, а местами и гораздо мельче, так, что всюду есть броды. Казак, не добывший на Урале до 500 рублей, не может существовать; он должен идти служить. Зато иногда вытаскивает в несколько минут багром своим годовое продовольствие на всю семью свою. Я сказал: он должен служить, следовательно, не всякий служащий казак обязан идти на службу, и очередь ему не угрожает. Надобно сказать вам, что такое есть наемка на службу. Если бы каждый домовитый хозяин, у которого есть богатые стада и иное домашнее хозяйство, был принужден идти служить, то хозяйство его расстроилось и разорилось бы во время его отсутствия; то же самое случилось бы, вероятно, и с именитым купцом и со всяким промышленником. Если бы, напротив того, и всякий неимущий, разорившийся, пострадавший от засухи, пожара, падежа, неудачного рыболовства, шел служить наравне с зажиточным, на собственном иждивении и без всякого возмездия, то он нередко являлся бы в полк в самом жалком вооружении и обмундировке, а дома, сверх того, покинул бы семью без подпоры, без пособия. Здесь сие дело происходит таким образом: канцелярия рассчитывает, по востребованию начальства, многих ли казаков поставить должен каждый десяток, и оглашает это на базарах. Десятки сходятся, толкуют, кричат, выкликают охотников, торгуются с ними, плятят им деньги, одевают, вооружают их, и ставят в полк молодцами. И наемщик, который бы не был в состоянии выступить в очередь на службу, как должно яицкому казаку, и сам одет и запасный шеляг есть, и семье оставляет кой-что на поправку и отправляется на государеву службу весел и спокоен. Все неудобства очередной казачей службы видим мы у соседей уральцев, оренбургских казаков, у коих впрочем, по бедности их, наемки и быть не может. Сверх сего при наемке избегают всякого злоупотребления, все несут одинаковую повинность, и нельзя никого притеснять назначением его на службу, ниже покровительствовать, освобождая под разными предлогами от оной; а каждый десяток распоряжается сам, как ему хочется. Уральцы населяют правый берег Урала; сопределены они к северу с оренбургскими казаками и башкирами, к югу с Каспийским морем, к востоку с Зауральскими киргиз-кайсаками, на запад с губерниями астраханского, саратовского, и с кочующими в них киргизами внутренней Букеевской Орды. Ныне считают на Урале всего, старых и малых обоего пола, до 45 т. душ, из них служащих 8292; из сего числа уже на службе домашней, т.е. линейной, и внешней, т.е. внутри России, более половины; хозяйственные войсковые расходы простираются до 250 т., содержание полков на службе до полумиллиона. С киргизами Зауральскими живут казаки в ладах и в споре, в дружбе и во вражде, по обстоятельствам. Мена привлекает киргизов на линию; они привыкли получать за баранов своих хлеб и крупу. Последние походы в степь показали, что она для уральцев проходима, и киргизы смирились; а устройство прилинейных киркизов, после уничтожения Правительством нашим Ханского достоинства, и назначения султанов и старшин, при коих находятся казачьи команды, много способствовало к водворению тишины. Набеги киргизов, впрочем, всегда состояли только в ночном воровстве и угоне скота. Даже воровство людей, увозимых ими в Хиву, ныне совершенно прекратилось. Не воображайте, впрочем, киргиза горским наездником: он вооружен весьма плохо, по свойству степного жителя, не менее того труслив, и пятисотенный полк Уральцев может исходить все пространство Зауральских степей. Но уральцы уверяют, что им угрожает иное бедствие: Каспийское море год от году мелеет; устья Урала заваливаются песком, и рыба едва только в значительное полноводье может входить в Урал. Если опасение это справедливо, если быстрый поток не прочистит себе иного устья, то казакам действительно угрожает крайность; пахатной земли здесь нет; зерновое продовольствие казак покупает, и потому называет Урал золотым дном, серебряною покрышкою, а добычу из него жалованьем своим, без коего ни жить, ни служить не в состоянии.

Я приехал в Уральск в день коронования Государя Императора; молебствие и парад, а наконец и обед у Управляющего войском уральским, полковника В.О. Покотилова, все это происходило чин чином, в таком порядке, как вы из многих листков вашего журнала усмотреть можете; - наконец настал и вечер, тихий и темный, и каменные громады Уральска, опоясанные огнями, возникли из мрака. Стар и мал в праздничных нарядах своих прохаживались перед домом Атаманским, где не черезчур мудрые Китайские разноцветные огни разсыпались в колесах и водопадах, а неизбалованные заморскою затейливою взыскательностью туземцы с детским простодушием наслаждались сим произведением какого-то заезжего фигляра, как слышно, неудачно пустившегося на Руси в мусье или в гувернеры, и от глубины души приветствовали восклицаниями появившиеся в заключение представления вензели Государя, Государыни и Царского Атамана всех казачьих войск.

В. Луганский. 25 сентября 1833.

Чиновник особых поручений

(В.И. Даль в Оренбурге. Год второй: 1834)*

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

С переездом в Оренбург для В.И.Даля началась жизнь, ничем не похожая на прежнюю. Его новые обязанности касались управления Оренбургским краем, огромным по территории, разнообразным по природным условиям, разноязычными народами со своими верованиями, обычаями, жизненным укладом. Далю предстояло хорошо изучить этот край, понять местных людей, найти с ними общий язык.

Новое дело, за которое он взялся с присущей ему обязательностью, значительно расширило круг его практических и научных познаний. А общение с представителями различных народностей давало богатую пищу творческой фантазии писателя. Особенно радовала Даля возможность познакомиться с ранее неизвестными ему наречиями русского языка и пополнить уже богатое к тому времени собрание слов, новых оборотов речи, пословиц, поговорок.

Архивные документы и воспоминания современников позволяют нам увидеть Оренбург глазами Даля, составить представление

о людях, которых он здесь узнал, и о событиях первого года службы на новом месте.

Оренбург в то время был городом-крепостью, стоявшим на страже юго-восточной границы государства, и главным центром дипломатического и торгового общения России со среднеазиатскими ханствами. Под управлением военного губернатора находились не только Южный Урал и земли Уральского казачьего войска, но и "киргизская (т.е. казахская) степь Оренбургского ведомства", по которой в Оренбург и пограничные Орскую и Троицкую крепости шли торговые пути из Бухары, Хивы и Коканда. Казахи, уже сто лет назад принявшие российское подданство, доставляли тем не менее много хлопот непрерывными междоусобицами и неустойчивыми отношениями с враждебным России Хивинским ханством.

С ним была связана главная забота: хивинцы не только мешали международной торговле, постоянно нападая на караваны, но и поощряли захват в плен русских подданных, которые затем продавались в рабство на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Как видно из материалов Государственного архива Оренбургской области, власти вели непрерывную борьбу с этим промыслом. Все случаи похищения строго учитывались, собирались сведения о дальнейшей судьбе пленников и казна отпускала специальные средства для их выкупа. Но, как правило, это не удавалось и в 30-е годы XIX века сотни людей из России находились в среднеазиатских ханствах на положении рабов без надежды вернуться на родину.

Все эти обстоятельства определяли полуторговый и полувоенный облик города и характер его населения. Власть осуществляли военный губернатор, он же командующий отдельным Оренбургским корпусом, и подчиненные ему военные и гражданские чиновники, назначавшиеся в столице. Важную роль играли Оренбургская пограничная комиссия, ведавшая делами степных соседей и таможня. Оренбургский гражданский губернатор и его канцелярия находились в Уфе.

В.А. Перовский приехал в Оренбург со своей "командой", в которую помимо В.И.Даля входили камер-юнкер Н.Н.Дурасов и И.В.Лебедев, занявший должность секретаря губернаторской канцелярии. Здесь он встретил многих опытных местных чиновников, ставших его помощниками и единомышленниками. Среди них, например, были образованные военные топографы полковник Г.Ф. Генс, инженер-капитаны К.Д. Артюхов и К.М. Тафаев, управляющий канцелярией военного губернатора А.И. Середа, обер-квартирмейстер А.А.Жемчужников, поручик Н.В.Балкашин и др.

В.И.Даль, человек общительный и веселый, сразу приобрел популярность в местном образованном обществе. Это засвидетельствовала гостившая в Оренбурге Е.З.Воронина, в письмах которой содержится красочный рассказ о новом военном губернаторе и лицах, приехавших с ним из Петербурга.

После встречи с молодой женой Даля, Юлией Егоровной, Воронина писала: "Мадам Даль мила, как нельзя более: миньятюрненькая, голосок тоненький, звонкий; ну точно колибри эта интересная немочка. Муж ее литератор; это он пишет под именем Казака Луганского. Он служит у Перовского, женат не более двух месяцев; свадьба и остановила его в Петербурге, а то бы он приехал вместе с Перовским". На основании первого впечатления она заметила, что "наружность его очень мало обещает" и "его надобно, так сказать, расшевелить, чтобы он заговорил, а очень приятно слушать его, когда разговорится".

Но через несколько дней, описывая вечер, на который приехал Перовский с Далем и его женой, Воронина выражается уже совсем иначе. Она пишет: "Перовский уехал ранее всех, тогда Даль послал за своими сказками и прочел нам две из них, презабавные и прекрасно написанные в самых народных русских выражениях. Одна из них под названием "О воре и бурой корове", другая: "Дочь Строева, или Коровушка-буренушка". И он читал их очень хорошо. Потом начали петь: прежде Дурасов, который поет прекрасно, потом жена Даля приятным голоском; наконец составили трио: Дурасов и Даль с женой пели русские песни прелестно". И на другом музыкальном вечере, описанном Ворониной, они исполняли русские песни, по ее словам, "очаровательно".

Воронина сообщает и о встрече В.И. Даля с А.С. Пушкиным. "Мадам Даль, - пишет она, - рассказывала, как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь. Он приезжал ненадолго и бывал только у нужных ему по делу людей или у прежних знакомых. Две ее знакомые барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, видели, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные".

Но светской жизни Даль, конечно, не мог уделять много внимания. В конце 1833 года в Оренбурге происходили немаловажные события, требовавшие его участия. Одно из них было связано с решением Перовского оживить русско-бухарские отношения. Для этого он в качестве своего представителя отправил с торговым караваном в Бухару П.И.Демезона, выпускника Петербургского университета, преподававшего арабский и персидский языки в Неплюевском военном училище, впоследствии одного из крупнейших русских востоковедов. Поездка, длившаяся полгода, прошла успешно, и поручение было выполнено. В.И. Даль впервые столкнулся в этой связи с "восточными делами", которыми ему в дальнейшем пришлось заниматься постоянно.

Другое событие носило серьезный политический характер. К военному губернатору поступил донос - как выяснилось, ложный - о вооруженном мятеже, который якобы готовят польские ссыльные. В комиссию для рассмотрения "дела поляков" Перовский включил В.И. Даля. Его подпись стоит первой в протоколах допросов обвиняемых - смотрителя музея Неплюевского военного училища Ф.К.Зана, бухгалтера Оренбургской пограничной комиссии А.Д. Сузина и прапорщика И.В.Виткевича. После основательного разбирательства они были полностью оправданы, а у Даля установились теплые дружеские отношения с Виткевичем, замечательным человеком трагической судьбы.

В конце 1833 года в Оренбург приехал выпускник Дерптского университета геолог Г.П.Гельмерсен, совершавший поездку по Уралу с целью описания месторождений полезных ископаемых. Он оставался здесь до весны, занимаясь обработкой собранных материалов и проводя барометрические и температурные наблюдения. С В.И.Далем, возможно, они познакомились еще в Дерпте, но теперь их связали дружба и взаимопонимание.

Первая половина 1834 года прошла в Оренбурге под знаком организации и отправки задуманной еще при П.П. Сухтелене экспедиции "для заведения на северо-восточном берегу Каспийского моря Ново-Александровского укрепления". Ее возглавил знаток этих мест Г.С.Карелин, а В.А.Перовский руководил исполнением этого важного правительственного задания. Недавно в оренбургском областном архиве удалось обнаружить документы, из которых следует, что в августе 1834 года военный губернатор совершил поездку в Ново-Александровское укрепление, в которой его сопровождали В.И.Даль и И.В.Виткевич.

Таким образом, знакомство Даля с Оренбургским краем и казахскими степями продолжалось, доставляя ему новые, часто неожиданные впечатления. Они отражены в корреспонденциях, которые он посылал в Петербург Н.И.Гречу. В 1834 году в столичной "Северной пчеле" появились две статьи В.И.Даля, которые мы приводим ниже.

В.И. Даль, газета "Северная Пчела", 1834, 9 января (№6)

Письмо к издателю из Оренбурга

Оренбург обыкновенно почитается крайнею пограничною точкою между Губерниею и степью Кайсаков; но это с некоторого времени не совсем справедливо. От Оренбурга простирается еще в степь по реку Илек, впадающую в Урал, треугольник, именуемый по-русски: Илецким районом - попросите Г. Рейфа пополнить Русский Словарь свой русским словом: район (**) - итак, Илецким районом. В нем более всего обращает на себя внимание наше Илецкая Защита, а в сей последней легко забываем гипсовую пещеру и странную, крутую каменную гору, взглянув на неизмеримую, неисчерпаемую толщу каменной соли, которой, по расчетам современных Архимедов, стало бы, для продовольствия всего Государства нашего, на несколько десятков тысяч лет!!! Здесь вы можете увидеть, обнять глазами, взвешенные и складенные миллионы пудов соли (***). Я видел знаменитую Величку (в Галиции), здешняя соль чище, и пласт ее лежит гораздо поверхностнее. Это весьма значительная выгода при разработке.

Илецкая Защита недавно сгорела. Правительством немедленно были взяты меры для удовлетворения первым и крайним нуждам жителей. Всеми уважаемый ветеран службы Царской, Гр. Н. Струков, отечески заботился о призрении бедствующих - а любители музыки благородного Оренбургского круга соединенными силами дали концерт в пользу погоревших: выручено более 1300 рублей. Вот известие, о припечатании коего хотел я просить вас, и по поводу коего пишу. Для концерта назначен был день Коронования Государя Императора, но, по случаю простуды первого виолончеля (****), отложена была музыка до 29-го октября. Доброе дело заслуживает сделаться гласным. Виолончель и фортепиано концерта нашего удостоились особенного всеобщего одобрения.

Вспоминаю по часту Четверги ваши, Николай Иванович, на коих, бывало, видишь и слышишь первых художников столицы...

Поздравляю вас с обновою, с выходом в свет Кощея Бессмертнаго. Этот Кощей сам прорицает судьбу свою. - Мне досадно, что Рудый Панько молчит. - На Украине выходят - дайте мне хоть однажды подать вам, окольным путем, библиографическое сведение, прежде, чем оно дошло прямою колеей в столицу - выходят, говорю, Малороссийские повести Грицка Основьяненки; сказывают, мастерская работа. Быт Малороссии для народных рассказов заманчив и неисчерпаем.

В. Луганский.

8-го декабря 1833 г.

В.И. Даль, газета "Северная пчела", 1834, 7 мая (№101)

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Новый Атаман

(Письмо из Уральска)

Уральцы, годика с три тому, оплакали Атамана своего, генерал-майора Бородина. Коли не случалось кому из вас видеть его, так знайте, что был он казак, душа молодецкая, стройный и рослый, и бойкой, лихой осанки. Сказывал мне верный человек, что есть и поныне в чужих краях не малое число картин, списанных с Сотника, не то с Есаула, Бородина, как ходил он туда молодым казаком с Суворовым; глядят немцы, не налюбуются! Ну, да он теперь перед Богом, его не воротишь - да и я сел не лики писать, не панихиду служить, а хочу говорить про нынешнее.

Атаманом всех Казачьих войск ныне - сами вы знаете кто: казаки, поминая Его, всегда шапки снимают. Но Государю Императору угодно было дать Уральцам Наказного Атамана. В лицо хвалить не годится, а то бы я сказал при всех, что новый Наказной Атаман Уральцев, лихой Атаман!

Итак, по назначению Полковника Василия Осиповича Покотилова, Наказным Атаманом Уральского войска, пошли пиры да гульба, а казаки загуляют, так не шутят: хоть святых вон понеси! Не знаю, где проявилась на Руси пословица: загулял, так и ворота на запор, да только верно не на Дону, не на Урале. Здесь: загулял, так ворота настежь, не хуже побыта, блаженная памяти, ласкова солнышка Князь-Владимира: мимо пирушки пути-дороги не пролегает, а заворачивай знай на подворье, кто живой подошел!

Атаман чествовал всех наличных войсковых чиновников обеденным столом, потом, как Войско собралось с багренного рыболовства, а вы знаете, что войско ходит и на осетров, и на белуг, что на французов - лавою, как возвратилось, говорю, с благополучного лова, так помолилось Богу и после общего молебствия совершенного в Соборе, явилось на зов атаманский, погулять и попраздновать, да распить перед домом атаманским сороковую бочку вина искупленного.

- Пил чару зелена вина малый и великий, да поминал хозяина, пили казаки на ов и на ин - пил и отставной казак Шарль Бертю...

Казак Шарль Бертю!.. Так, господа, отставной, приписной Уральский казак Шарль Бертю; коли мне не верите, спросите у людей: люди видели - как он и усы отпрал. Он зашел во время оно, в матушку Россию, не знаю, званый ли, не званый ли, а на пиру атаманском был он званый. Его взяли казаки в 1812 году, завезли сюда; он обжился, женился, да в казаки приписался - вот вам и французский казак Шарль Бертю!

Наконец, 15 февраля, приняли уральцы и угостили нового Атамана своего по-своему. Это было вот как: поутру явились к нему два штаб-офицера, и просили Атамана именем всех собратий своих, подарить их нынешним днем и порадоваться общей радости. Вечером, когда все было приуготовлено, а гости и чиновники войсковые съехались, два штаб-офицера отправились со вторичным и окончательным приглашением, и прибыли вместе с Атаманом своим к назначенному дому. Старшины и почетные войсковые чиновники встретили дорогого гостя на крыльце и, как водится, проводили его под звонкою музыкой, в залу. Весь дом был освещен снутри и снаружи, а на балконе был выставлен щит с изображением вензеловых имен Государя Императора, Государыни Императрицы и Высокого Атамана всех Казачьих войск.

Празднество открыто было польским, в голове коего шел Атаман с одною из почетнейших туземок. Музыка гремела, и пляска продолжалась во всю ночь. Сели за стол; большая часть мужчин осталась на ногах. Во время ужина появился неожиданно, против почетного места, занимаемого Атаманом, освещенный щит с именем его и с лестною притом надписью. Заздравная братина пошла ходить из рук в руки. Пили здравие Царя и Царицы и Атамана Цесаревича и всего Пресветлейшего Дома, всех вместе и каждого порознь. Дошла очередь до Оренбургского Военного Губернатора, а наконец и до Наказного Атамана. Тогда ему принесено было условленное поздравление, сперва всеми наличными чиновниками, потом избранными почетными казаками, от имени целого войска, потом учениками Войскового училища, а наконец - учитесь братцы, как встречать и принимать Атаманов своих, у Уральцев: - пятеро милых, богато убранных девиц, высшего казачьего сословия, подошли, - шумный, радостный говор умолк, почтительная тишина воцарилась; девицы подошли к Атаману, поклонились ему, по обычаю своему, низенько, сказывали ему долго жить, братьями, отцами, женихами праведно и ласково управлять, суд и правду рядить, - и поднесли ему, ни серебра, ни золота, а поднесли снопик живых, самородных цветов. Все наличные гости или хозяева - как хотите - подняли ура, прямо по-казацки: окна задребезжали, и двери сами порастворялись! А казаки, запрудив широкую улицу, того и ждали: подхватили и себе, да так, что и пушки заздравные заглушили!.. Ночь была тихая и светлая; вино пили, ура кричали, пушки палили, а как разъехались поздним утром, по домам, да глянули на снаряд, иже нарекается часомерие, так и вспомнили поговорку: казаку гулять, так и ночь коротка!

В. Луганский.

Приписка. Март на исходе, апрель на дворе, а Урал стоит, не шелохнется. Скоро вздует его да погонит лед на море, на Хвалынское. Глядите тогда, что за потеха будет; начнется пловня (*****), да пойдут казаки в скачку на тысяч, другой, бударок (******)! Снегу нынешнюю зиму Господь не пожалел, так земляная вода (*******), надо быть, пойдет большая, и на урожай в Оренбургской Губернии понадеяться можно. Авось, Бог милостив будет! - Прилинейные Кайсаки эту зиму опять начали продавать детей своих; на днях видел я четырех мальчиков, купленных за 75 рублей асс. Младшему лет семь. Один насмешил: новый хозяин стал, жалея его, кормить голодного помаленьку, а он, глядя на съестное, непременно хотел поесть все. Коли так, говорит, так пойду я от тебя прочь, опять в степь. Скинул платье хозяйское, снял и рубаху, взял с окна плеть и пошел. - Где же лошадь у тебя?- спросили его. - Плеть есть, отвечал тот, так и лошадь будет! Простояв минуты с две нагишом на морозе, воротился он. В тот же вечер и на следующий день спохватились огарков свечных: нет ни одного, а не догорает, кажется, свечей много, решили на том, что их крысы таскают. Глядь на нового нахлебника - а он жует, да только светильни выкидывает! Не подумайте, чтоб я шутил: ей, ей, былое дело! Шам яхши, уверяет он, и поныне удивляется, для чего не велят ее есть!

---

*) Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

**) Я уверяю, что почтенный Г. Рейфт, ошибается, производя слово: кулебяка от немецкого: kohlgeback. Кулебяка не есть пирог с капустой, это слово должно происходить просто от малороссийского: кульбака, седло, вероятно по отдаленному сходству наружного вида седла с остроугольным пирогом.

***) Француз-путешественник, слышав, что в Илецкой Защите работают на солеломне ссылочные, и увидев однажды, что голый человек, с которого еще пар валил, выскочив из бани, начал, с неистовыми восклицаниями, кататься по снегу - вскричал с выражением крайнего негодования, Боже мой! Какое ужасное наказание!

****) Еще выноска: виноват, не могу говорить без отступлений, и в сем случае предпочитаю ясную выноску сбивчивой скобке. Однажды, еще в столице, прибежал ко мне запыхавшись нарочно посланный из певческой, с известием: "Ваше благородие, пожалуйте поскорее, у нас с первым басом припадок случился!"

*****) Весеннее рыболовство, сетьми, кои раскидываются с каждой лодки одним человеком.

******) Будара, долбленая лодка, однодеревка, комяга, душегубка, челнок. - Казаки пускаются на них по пушечному сигналу, скакать, как они говорят, то есть в обгон друг друга. Глядя на эту суматоху, не знаешь, как вода подымает столько народу вдруг!

*******) Степная, или береговая вода, стекая на реку, подмывает, подкапывает и сгоняет лед; река вскрывается. Потом идет неделю, другую спустя, земляная вода, т.е. вода с гор, высокою и широкою волной, разливается и поднимает берега на несколько верст.

Чиновник особых поручений

Год второй (продолжение)

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

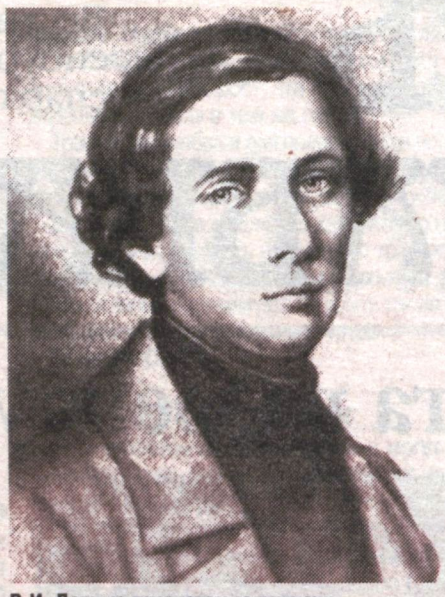
Должность чиновника особых поручений обязывала В.И. Даля принимать непосредственное участие в повседневных заботах по управлению Оренбургским краем, которые занимали военного губернатора. О многообразии этих - больших и малых - забот нам могут рассказать документы из Государственного архива Оренбургской области, в том числе и неизвестные до сих пор автографы Даля.

Одно из интересных в этом отношении архивных дел касается вопроса "об издании в Оренбурге провинциальной газеты", который еще в 1830 году поставил перед Министерством внутренних дел тогдашний военный губернатор П.П. Сухтелен. Он ссылался при этом на необходимость ускорить распространение среди населения распоряжений начальства, что было чрезвычайно важно в связи с бушевавшей в то время эпидемией холеры. Дело затягивалось из-за значительности расходов и соображений цензурной политики. Осенью 1832 года Сухтелен повторил запрос, предлагая издавать в Оренбурге два раза в месяц "периодические листки, любопытные для всех по содержанию оных, а для местных жителей особенно полезные" - под названием "Записки Оренбургского края". Он полагал, что может обойтись "без всякого отягощения казны", рассчитывая на "деньги, получаемые с подписчиков", а политическую благонадежность гарантировал, "принимая на себя ответственность соблюдения с точностью правил, цензурою поставленных".

В ответ министерство попросило уведомить его о цене предполагаемого издания и редакторе, так как в 1832 году вышло постановление, "чтобы никакие новые журналы не были дозволяемы без особого Высочайшего разрешения и чтобы при испрашивании такового разрешения были представляемы Его Величеству, кроме подробного изложения предметов журнала, и обстоятельные сведения об издателе". Документ, датированный 21 марта 1833 года, поступил в Оренбург 15 апреля, т.е. уже после неожиданной кончины П.П. Сухтелена 20 марта. Резолюция, сделанная кем-то после назначения нового военного губернатора, гласит: "Доложить по приезде его превосходительству Василию Алексеевичу".

По-видимому, Перовский тогда не обратил внимания на письмо, так как в феврале 1834 года последовало напоминание от министра внутренних дел Д.Н. Блудова: "21 марта 1833 года я имел честь относиться к предместнику Вашего превосходительства покойному генерал-адъютанту графу Сухтелену о сообщении мне дополнительных сведений касательно издания в Оренбурге периодических заметок. И покорнейше прошу Вас, милостивый государь, поспешить доставлением в Министерство внутренних дел означенных сведений". В резолюции Перовского сказано: "В.И. Далю для объяснения с делом".

О том, что Даль внимательно изучил все материалы, свидетельствует его обширная собственноручная "Записка о делопроизводстве по предполагаемому в Оренбурге изданию газеты". Ознакомившись с ней, Перовский отправил Блудову донесение, в котором писал: "Хотя с своей стороны крайне желал бы споспешествовать общеполезному предприятию

В.И. Даль на тридцатом году жизни. Портрет работы неизвестного художника.

сему, но при всем том затрудняюсь устранением некоторых препятствий". Из них "главнейшее" состояло в том, что он не видел "никаких возможностей прикрывать издержки издания, буде не назначится на сей предмет особой суммы", так как приходилось рассчитывать только на местных подписчиков, а "образованный класс Оренбургской губернии, по ограниченному числу помещиков, весьма невелик". По-видимому, в это время, когда начали обостряться отношения с Хивой, расходы из внутренних средств на издание газеты представлялись неуместными.

Но Перовский, очевидно, надеялся на дополнительные деньги из казны. Об этом говорит вставка в текст письма, сделанная его рукой: "Если же бы вышеназванные затруднения могли быть устранены, то издателем периодических записок назначил бы я тогда состоящего при мне для особых поручений коллежского асессора Даля".

Этих обязанностей В.И. Далю выполнять не пришлось, поскольку - как следует из ответного письма Блудова - в Петербурге разрабатывался обший проект об издании ведомостей для губерний, а потому было решено "с изданием в Оренбурге периодических записок приостановиться впредь до приведения означенных предположений в действие".

Другое архивное дело, датированное 1834 годом (2 апреля-30 декабря) и озаглавленное "Об отправлении по Высочайшему повелению титулярного советника Гельмерсена для геогностического исследования Северного Урала", начинается с адресованной Перовскому собственноручной записки В.И. Даля об организации выплаты Г.П. Гельмерсену 4500 рублей, назначенных министерством на эту поездку. Даль пишет: "Находясь же ныне в самом городе Оренбурге и предполагая выехать в Сибирь прямо отселе, просит он, Гельмерсен, покорнейше, дабы сделано было распоряжение об отпуске ему означенной суммы непосредственно в месте пребывания его, в г. Оренбурге".

Когда после соответствующей переписки 3 мая было получено разрешение министерства на "немедленную" выплату денег из оренбургского уездного казначейства, ученый, видимо, уже уехал и Перовский поставил на документе резолюцию: "Справиться, кому поручил Гельмерсен получение сих денег, не Далю ли? 8 мая".

Далее в деле подшита другая записка В.И. Даля, составленная в ноябре и адресованная также Перовскому. Из нее видно, что деньги до Гельмерсена так и не дошли. Даль пишет: "В начале года Оренбургская казенная палата получила предписание министра финансов отпустить чиновнику 9-го класса Гельмерсену 4500 рублей; впоследствии министр финансов переассигновал сумму эту к отпуску из Томской казенной палаты, сия последняя с мая месяца поныне тщетно ожидает уведомления о сем Оренбургской палаты и Гельмерсен без денег".

На том же листке Даль пишет и о своей претензии к казенной палате, не выплачивающей ему денег за сданного им в рекруты в зачет будущего набора крепостного дворового человека.

Затем мы узнаем, что на основании записки Даля 26 ноября военный губернатор предложил "поспешить доставлением" Томской казенной палате сведений о 4500 рублях, "переассигнованных к отпуску из оной палаты титулярному советнику Гельмерсену", на что получил ответ, что соответствующее уведомление было отправлено еще 11 октября. После его повторной отправки 29 ноября инцидент, очевидно, был исчерпан.

Наряду с рассмотрением дел частного характера В.И. Далю приходилось заниматься и более серьезными вопросами. Из документов следует, что, вернувшись вместе с Далем из поездки в Ново-Александровское укрепление, Перовский узнал, что императорским указом от 5 июля 1834 года ему предписано прибыть в Санкт-Петербург. Он отправился в столицу в начале зимы, поручив выполнение своих обязанностей помощникам. Управление военными и пограничными делами переходило в ведение начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса, полковника генерального штаба Рокасовского. Управлять гражданскими делами должен был гражданский губернатор Жуковский. В.И. Далю было дано чрезвычайно ответственное задание - составить годовой отчет по управлению краем.

4 декабря Перовский подписал следующее распоряжение: "Состоящему при мне по особым поручениям коллежскому асессору Далю.

Покорно прошу Ваше высокоблагородие во время отсутствия моего заняться составлением отчета по управлению Оренбургским краем за 1834 год. Потребные для сего сведения будут доставлены к Вам секретарями канцелярии моей коллежским асессором Ваневым и коллежским секретарем Лебедевым, коим приказано от меня исполнять неукоснительно все Ваши по сему предмету требования. В случае недостатка в канцелярии сведений, необходимых к составлению отчета, оные по предъявлению Вашему секретарем канцелярии должны быть истребованы, отколь следовать будет".

Материалы архива показывают, насколько серьезной и трудоемкой была эта работа. Отчет составлялся как по гражданской, так и по военной части и содержал самые разнообразные сведения, в том числе о посеве и урожае хлеба, о состоянии "денежного капитала для пособия в продовольствии", о падеже скота, о городовых расходах и доходах, о работах и расходах по устройству нового торгового пути от Верхнеуральска до Самары, о фабриках и заводах, о происшествиях (смертоубийствах, пожарах, наводнениях и т.п.), случившихся в Оренбургской губернии, об оспопрививании и т.д. Многие документы, касающиеся этих вопросов, имеют пометки, сделанные рукой Даля.

В качестве приложения к отчету были составлены подробные ведомости по всем вопросам, в том числе "Список о возвратившихся из азиатского плена российских людях в 1834 году". В нем значатся 26 человек, похищенных в разное время, из которых одни "выбежали сами" из неволи, другие же были выручены различными способами.

Отчет был одобрен Перовским, вернувшимся в Оренбург 17 марта, а затем и правительством. Военному губернатору было выражено за него Высочайшее благоволение, а Даль, как значится в его формулярном списке, был "г. генерал-адъютантом Перовским награжден 2000 рублями из сумм, в распоряжении его состоящих".

Далю и позднее приходилось заниматься составлением отчетов по управлению краем. Поэтому - например, в 1837 году - на его имя поступали такие документы, как "записки" о действиях и распоряжениях управляющего Оренбургским казачьим войском, о ходе работ "по построению в Оренбурге в куртине первого полигона крепости каменной оборонительной казармы" и т.д.

В июне 1834 года В.И. Даль - "по засвидетельствованию начальства об отлично усердной службе" - был пожалован орденом Святого Станислава 3-ей степени, а несколько раньше произведен в надворные советники.

В этом же году, 11 июня, произошло важное семейное событие: родился первенец - сын, нареченный русско-восточным именем Лев-Арслан ("арслан" по-персидски значит "лев"). Крестным отцом мальчика стал В.А. Перовский.

В то же время В.И. Даль не оставлял и литературной деятельности, как художественной, так и научной. В 1834 году в петербургском журнале "Библиотека для чтения" была напечатана его "Сказка о воре и бурой корове", а 13 марта он отправил в Дерпт этнографический очерк о башкирах. Извлечение из этого очерка, вышедшего в "Ежегоднике Дерптского университета" на немецком языке, в том же году был опубликовано в "Журнале Министерства внутренних дел" под заглавием "Замечания о башкирцах".

Продолжая знакомить российскую публику с малоизвестным Оренбургским краем, В.И. Даль послал Н.И. Гречу корреспонденцию "Скачка в Уральске", которая была напечатана в газете "Северная пчела" 9-10 ноября 1834 года. Ниже приводится ее текст.

В.И. Даль (Казак Луганский)
Газ. "Северная пчела". 1834,
№255 (9 ноября), №256 (10 ноября)

Скачка в Уральске

Писал я вам когда-то, из Уральска, каким побытом держится здесь промысел рыбный; писал, никак, что багрят у нас рыбицу зимней порой, по льду, когда ложится она почивать на ятовья, как ложится медведь на зиму в берлогу; что плавня бывает осенняя и весенняя: раскидывают сети с бударки, с остроносой, щегольской,

тонкой отделки долбленой лодчонки, плывут по реке да наслушивают рукою, когда толкнет в сеть хрящевым носом своим осетр, шип, не то севрюга, тогда казак подхватывает сеть, коли с поплавком, один, а коли в две руки, что называется плавать связкою, то вдвоем, с товарищем на другой бударке; бьет рыбу по башке чекушкою, чтобы не плясала в узкой бударке, где и без нее тесно, и закидывает сеть или ярыгу снова. Так идут вниз по Яику рубежами, из коих на каждом делается новый удар, и проходится в сутки.

Осенней порою, около половины сентября, собирается народ на плавню, все в одно место, в одну кучу: первый удар бывает из одной точки, по пушке, до которой никто не смеет ступить бударкой на воду; собираются и съезжаются со всех концов, и свои и чужие, ибо тут бывает наперед ярмарка, тут и скачка, а после доброго улова гульба и всякое веселье. Пустопорожний, голый берег оживает, словно сам из себя людей родит: тысячи народа, лошадей, телег, бударок, разъезжают по сухому и по мокрому - крик, шум, каждый подводчик или, у кого их много, каждый обоз вывешивает на шесте свой значок, чтобы равняться и оглядываться с товарищем на бударке, а коли ночь застигнет при залове, то мальчишки на каждой подводе голосят на весь мир, прикрыв щеку рукой, выкрикивая без отдыха имя хозяина: иначе тот не добился бы до своих во всю ночь; сколько глаз обнять может по ровной степи, все дуги, да дуги, а за ними опять-таки дуги!

Но коли хотите, не шутя, повидать отрывных молодцов, так гляньте с яру, подвернув руки, на Яик. Здесь отвал бударок недаром называется ударом, а плавание скачкою! И черт их знает, прости Господи, как они не перепутаются веслами, руками да ногами; а о сетях да о снастях и говорить нечего! Ведь тут не десяток их и не сотня: тут тысяча другая с хвостом, и все зараз ринулись на воду, и все вдруг гонятся и летят, и гребут и кричат, перегоняют, обгоняют - он и сеть выметывает, и бударкой управляет, и рыбу тащит, а сам на весу стоит; самого в бок и в зад толкают; - глядя на суматоху эту, тебе и на сухом берегу как-то не смело стоится, что-то нехотя назад осаживает, а поди-ка туда в нашу, в мешанину!

На этом рыболовстве, равно как и на багренном, ловится больше красная рыба и так называемая толстая: иногда и сазаны*, судаки, жерехи, лещи, а случается порою, что набьется полная ятовь сомов, и казаки, подсмотрев с осени, что много рыбы ложится, считают на богатый багренный улов, да и прошибаются расчетом. Впрочем, и сом сходит с рук, только не за большие деньги.

И так, и ныне в 34 году было то же; пришла осень, пришла пора плавни, собралось войско, поплыло по Яику, наловили рыбы, наехали купцы, навезли денег, да все серебра и золота, а бумажек как-то не везут - и казаки начали гулять. Одни весы городовые дают войску откупного доходу без малого 20,000, а за сбор соляной пошлины при усоле рыбы, платит откупщик откупной цены тысяч восемьдесят; на сколько же тут рыбы уйдет, коли соли одной без малого на сотню тысяч? Стало быть, не одна мошна деньжонок оборотится тут в круглый, крещеный год!

Между прочим была в Уральске, когда собрались к улову, и скачка, не на бударках, а скачка на конях. Это заведение благое, дай Бог, чтоб поддержалось долго! Прежде чем приступлю к повестке о том, чья лошадь и сколько проскакала, и что взяла ставка, скажу слово о конях здешних.

Башкирские, Калмыцкие и Киргизские кони - вот три главные породы здешнего края. Туркменских аргамаков и дорогих пород лошадей из небольшого числа частных заводов, не причисляю я сюда же: это иностранцы. Казачьи заводы и табуны происходят все от первых: здесь нет собственно Уральской или Оренбургской породы, как на Дону есть порода Донская. Башкирская порода, от крайнего небрежения, от того, что не обращают ни малейшего внимания на случку отборных жеребцов и кобыл, а представляют всякое попечение о скотоводстве своему Аллаху и великому пророку его, переродилась, перевелась и упадает с году на год. К крайнему сожалению, почти то же сказать можно и о Киргизах: но здесь как-то еще, по крайней мере в глубине степи, судьба уберегла доселе несколько добрых чистых пород, и их предпочитают Башкирским. Чудное дело: коннорожденные народы эти искони пристрастились к табунам своим; табуны их и кормят и поят, они же и одевают; но кроме счета, примет и отмет косяков своих, не знают они ничего. В этом состоит весь присмотр; - уродись же резвый, неутомный конь - тогда его берегут и холят и красуются и похваляются им, а сами искуственного улучшения пород и во сне не видают!

Настоящая Калмыцкая порода коней, толстоголовых, малоухих, горбоносых также почти перевелась в Оренбургском крае: она сквозит еще в косяках Ставропольского Калмыцкого войска; а все Калмыки, причисленные к казакам Оренбургским и Уральским, водят коней Башкирских, Киргизских и Казачьих. И так, Калмыцкая лошадь значит на Урале только то, что она в руках у казака - Калмыка, а порода ея этим ничуть не обозначена. Настоящих Калмыцких коней надобно искать у Калмыков Тюменевских, в Астраханской Губернии. Ныне в Оренбургском крае считают вообще до одного миллиона коней; около 20,000 идет ежегодно в продажу, и из этого числа более половины за Урал, в Киргизскую степь. Золотая година миновала, где степь снабжала край лошадьми; - ныне дело пошло наоборот; там бедность и нищета; баранты и усобицы изводят стада и имущества дикарей степных; голодные и холодные годы, как, например, из нынешних 1827-й, погубили в степи несметное множество лошадей.

Приведу вам в пример богатейшего из Оренбургских Кайсаков, бывшего Старшину Исянгильдия Янмурзина: у него в двадцатых годах считали до 12,000 коней - а кто и говорит, что де не было двенадцати, так мирися на осьми - и того довольно, а ныне у него нет и восьми сот. Коли ежегодно такое огромное количество наших коней идет, за баранов, в степь, то ясно, что и Киргизская порода, близ линии, должна быть переводной; и точно, вы здесь настоящих Киргизских коней не найдете. За ними ступайте в глубь степи, к Чиклинцам, к Джегалбайлинцам, к Адаевцам - даже у хана Джангера, во внутренней Орде, найдете вы истых Киргизских коней очень не много. Круглая цена Башкирским коням здесь не свыше 25 рублей за голову; коням Киргизским и казачьим - немного побольше; круглая цена, говорю, доброму и ледащему; я знаю, что Киргизы дают иногда по два, по три, по пяти верблюдов за скакуна, а бухарцы, которые ценят ходаков и иноходцев, набивают иногда цену на них до невероятности, но это особая статья, и в расчет не входит. Лошаденки здешние довольно резвы, сносливы в работе при бедном корме, но малорослы, а потому и слабосильны. - На скачку их подготавливают или подмаривают, то есть скакуна проезжают по вечерам и ставят в седле на всю ночь к привязке, не давая корму; вообще же Киргизы коням своим никогда ближе четырех часов после поездки ни пойла, ни корму не дают; иногда, правда, во время самой поездки, поят лошадь и горячую, но тогда уже сейчас же проезжают рысью. Овса Киргизы и не знают, а казаки, и даже башкиры, подготавливая коней, задают им иногда понемногу овса или ячменя. Кто богат кобылицами, поит любимого скакуна кобыльим молоком. Это делается особенно в степи.

Коли, может статься, спросите: много ли выдержит добрый скакун здешний? То заставите призадуматься. Вот вам несколько примеров, а впрочем, степь дорога не мерная; одно средство узнать правду - это скачка по мерному поприщу, а это здесь еще новизна, и завелась она, хоть бы в Уральске, недавно. Полагают, что киргиз делает обыкновенно суточный переход, на рысях по сто, по полтораста верст, на одном коне; одвуконь перебежит он легко и двести. Одвуконь, отреконь, не означает подставы на пути; это просто вот что: я седлаю двух, трех, четырех коней, сажусь на одного, остальных гоню перед собою, а иногда веду на чембуре, и, пересаживаясь с седла на седло, даю отдыхать коням поочередно. Коли прилучится гнать в хвост и в голову, так загнанную лошадь покидаю. Из Орска в Бухару, одометром вымеренная дорога 1,500 верст, поспевает Кайсак одвуконь на 13-й, 15-й день, и уверяет, что поспел бы в лучшую погоду, на лучших конях еще скорее. Заручиться не заручусь, а говорю говореное. Когда убили Султана Медета Галия, на устье реки Камышлы, в 80 верстах от Орской крепости, то весть об этом дошла на Илек, до устья реки Карабутань, к Султану-Правителю, что составляет примерно более 250 верст - в 30 часов. Два гонца прискакали, на трех конях, без седел, босые и полунагие, а поэтому, вероятно, и не имели времени отбирать скакунов.

Теперь стану говорить о скачке, которая происходила сего 17-го сентября в присутствии Наказнаго Атамана Уральского Казачьего войска, Членов Войсковой Канцелярии и при стечении многаго множества крещенаго и некрещенаго люду. И Султан-Правитель, и другие почетные Ордынцы посетили празднество наше. Круг был отбит в мерные три версты и обнесен двумя канавами. Сперва пущены были 23 лошади собственно Уральских заводов; из них выскакала лошадь казака Калмыка, Бурчи Чурюмова, обскакав шесть кругов, или 18 верст, в 23 1/4 минуты; пять коней получили из Войсковой Канцелярии ставки; а именно: 1) Чурюмова - 150 руб.; 2) Даржаева - 100 руб.; 3) Сулейманова - 80 руб.; 4) Наказнаго Атамана - 70 руб.; 5) Есаула Узбекова - 50 руб. Вслед за этим скакали 30 коней степных, Киргизского заводу, на семь кругов, или 21 версту. Из них первая выскакала лошадь Султана-Правителя Баймухамета Айчувакова, обскакав семь кругов в 29 1/2 минуты. Она получила наградные 120 руб. Вторая казака Нагацкина - 90 руб.; третья Горынина - 70 руб.; четвертая Джембекова - 50 руб.; пятая Султана Махмуда Алгазина - 40 руб.

На третий день, то есть 20-го сентября, пополудни в пять часов, была перескачка резвым коням, получившим награды на скачке, всеми вместе Киргизским и Уральским. При этом случае скакун Чурюмова, взявший на скачке первую ставку, и теперь выскакал далеко вперед, но спотыкнулся со всех ног и упал, а товарищи, не дожидаясь его, пронеслись мимо. Недруги! Что бы обождать, да лежалаго поднять! Перескачка была назначена на четыре круга, или в 12 верст; лошадь казака Дельгина Нагацкина, взявшая на скачке лошадей киргизской породы вторую ставку, вышла здесь наперед и взяла 80 рублей. Все наградные деньги раздавались из войсковой суммы.

Я сказал уже, что калмыки здешние имеют коней не иной породы, как и прочие казаки, но они всегда почти, как теперь, берут наградные вклады на всех скачках, куда являются. Калмыки Уральского Войска славятся добрыми лошадьми, и уже верно не пропустят ни одной скачки без попытки. Так, на скачке, которая была при празднестве, что давал нынешний Правитель внутренней Киргизской Орды, при возведении его в Ханское достоинство, первую ставку взяла Уральская калмыцкая лошадь; так и ныне, когда единовременно со скачкою на Урале, тот же Хан давал, по случаю свадебного празднества, пир и скачку - опять Калмык, Узенской Уральский казак, взял первую награду.

Ныне местное начальство старается распространить Уральский войсковой завод, существующий в малом только виде. Уральское Войско имеет все средства и способы к разведению лучших степных казачьих коней; денег у него много; простора довольно; добрые казачьи кони из первых рук; даже аргамаков и степных караваиров, которые дают с местными породами кобылиц отличных лошадей - могут иметь скорые и сходные чем где-нибудь. Ныне войсковое начальство платит по 250 руб. за казачьих лошадей под гвардейскую сотню свою; цена чрезвычайно высокая, а между тем, все-таки нуждается сотня в добрых конях, потому что их нет в потребном количестве. Коли уже Оренбургское войсковое начальство, честной, признательной памяти достойный генерал-майор Адам Григорьевич Энгельгардт, успел основать и завести конский завод, при всей крайней ограниченности средств и способов, ибо войсковая сумма там бедна, доходов нет, и необходимые расходы едва только покрываются - то уже войску Уральскому невпример сподручнее обзавестись своим заводом, который, при добром хозяйстве и распорядке, оставит далеко за собою все подобныя заведения здешняго и соседних краев.

Казак Луганский.

---

* У вас намедни считались двое, промеж собой, сазаны ли или карпы ловятся, не помню в каком-то месте, да еще есть ли на овцах пух, или его нет? Коли хотите, не наше дело, попово, не нашего попа, чужова; кто засыпал, тот и вымеси; не хочу я мешаться в чужие расчеты; скажу только, стороною, как здесь, у нас, дело бывает, и прошу и кланяюсь, не гневаться за это на меня, не мотать и мои речи со спорными на один клубок. Здесь - и в этом я не виноват - сазаном называют то, что на Буге зовут каробом, карпом. Сазан, карп, кароб одна и та же рыба. Что же касается овечьяго пуху - то он есть здесь действительно. Киргизския овцы, на которых толстая жесткая шерсть никуда не годится, и потому отдается обыкновенно гуртовщиками за стрижку, а много, много, коли по пяти копеек с руна; овцы эти одеваются на зиму, под шерстью, довольно тонким подшерстком, пухом, который знатоки равняют в доброте, мериносовой шерсти средней руки. О сю пору пух этот пропадает, вместе с шерстью; отделять его довольно хлопотно; требований значительных на него нет; заняться здесь этим некому, и потому дело о пользе этого овечьяго пуха не повершено. Сто лет сидим мы здесь, посидим еще сто - авось разгадаем!

Кстати молвить слово еще вот о чем: многие думают, что козий пух, из котораго плетут и вяжут платки и ткут даже шали - что этот пух идет от каких-то особенных коз - Ангорских, что ли; ничего не бывало: каждая простая коза, которая, впрочем, всегда и везде носит на себе немного пуху, здесь одевается на зиму потеплее, получает долгий и мягкий пух, который весною снова роняет, и который поэтому легко вычесывается.

Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Чиновник особых поручений

В.И. Даль в Оренбурге. Год четвертый*)

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

В 1836 году, как и в предыдущем, служебная деятельность В.И. Даля была связана, главным образом, с внешнеполитическими проблемами, которые должна была решать в это время оренбургская администрация. Повышенный интерес англичан к Средней Азии и их явное намерение завязать отношения с правителями Бухары и враждебной Хивы, усилив свое торговое и политическое влияние в регионе, вызывали все большую настороженность русского правительства. Поэтому в Петербурге внимательно прислушивались к сообщениям В.А.Перовского о положении на Оренбургской пограничной линии, в казахской степи и в среднеазиатских ханствах, которые оставались закрытыми для европейцев.

Эти сообщения основывались прежде всего на рассказах купцов, регулярно прибывавших с караванами для торговли в российских городах - на оренбургском Меновом дворе, на нижегородской ярмарке, в Астрахани. Много важных сведений получали также от казахов, непосредственно общавшихся с южными соседями и посещавших Хиву и Бухару. Но особенно ценным источником нужной информации были рассказы русских невольников в Средней Азии, которым удалось тем или иным способом "выбежать из плена".

В Государственном Архиве Оренбургской области сохранились многочисленные записи таких рассказов. Некоторые из них - это поистине потрясающие документы, повествующие о трагической судьбе простых людей, - рыбаков, крестьян, казаков, мужчин и женщин, похищенных и увезенных на чужбину в рабство. Но они содержали и незаменимый для своего времени востоковедческий материал, так как давали представление о жизни среднеазиатских ханств, об их экономике, социально-политическом устройстве, народонаселении и т.д. Поэтому столь большое внимание уделял рассказам бывших пленников многолетний председатель Оренбургской Пограничной комиссии Г.Ф.Генс (1787-1845), почерпнувший из них сведения, за которые, по словам В.И. Даля, "весь ученый и неученый мир должен сказать ему, неутомимому собирателю и исследователю, большое спасибо".

Сам Даль, писавший, что благодаря Генсу, он "мог бы отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии", продолжил эту работу.

Рассказы русских пленников, записанные В.И.Далем, сейчас почти неизвестны. В собрание его сочинений из них попали очень немногие, а остальные можно найти только в малодоступных журналах и газетах 30-х годов XIX века.

В 1836 году В.И.Даль сделал запись, имевшую тогда значение важного политического документа: в ней подробно излагался рассказ И.В.Виткевича о его необычайно смелой поездке в Бухару, где он провел полтора месяца. В октябре 1835 года ему было предписано отправиться в степь, чтобы "осматривая все глазом просвещенным и беспристрастным", добиться - "личным внушением и советами" - мира между враждующими казахскими родами и содействовать"упрочению спокойствия в самой орде и ограждению ее от смущений со стороны внешних врагов, завистников и ложных притворных доброжелателей". Здесь речь шла о хивинцах, которые подстрекают подданных России казахов против русского правительства и "из видов корыстолюбия вовлекают их в несчастье".

В том, что Виткевич с его "знанием языка и местных обстоятельств" с заданием справится, сомнения не было и ему предписывалось провести всю зиму в аулах вблизи реки Сыр-Дарьи, добравшись туда с попутным бухарским караваном. Ему поручалось также освободить из плена находившегося там казака Степанова с женой, которые были захвачены летом на линии. Наконец, он должен был обратить "самое бдительное внимание" на слухи о событиях в Средней Азии. В данной ему инструкции говорилось: "Бухарцы и хивинцы, несмотря на то, что они пользуются чрезвычайными выгодами от торговли с Россией, без которой они не могут обойтись, умышляют всегда против нас зло, покупают и держат в неволе наших людей, возмущают киргизов (т.е. казахов) и всегда готовы внимать советам, для нас невыгодным. Советы такие легко могут им быть предлагаемы европейцами, начавшими посещать соседние нам области Средней Азии, и потому мы должны наблюдать тщательно сношения их".

Как сообщал позднее Виткевич, некоторые обстоятельства заставили его несколько изменить планы, продолжить путь с тем же караваном, "проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре".

Там он, "отказавшись сидеть взаперти", сумел обеспечить себе достаточную свободу действий, чтобы получить интересные сведения о неизвестной Бухаре, ее хозяйстве и системе управления, нравах и обычаях народа, а также о происках англичан в Средней Азии. Пробыв в столице ханства со 2 января по 13 февраля, Виткевич вернулся в Оренбург вместе с афганцем Хусейном-Али, посланником афганского эмира Дост-Мухаммада.

Таким образом, во второй раз - после П.И. Демезона, посетившего Бухару двумя годами ранее - сотруднику В.А.Перовского удалось лично познакомиться со страной, неведомой европейцам, и благополучно вернуться из опасной поездки.

Вскоре по приказу из Петербурга Виткевич был отправлен Перовским в столицу, а затем совершил поездку в Кабул с важным дипломатическим заданием, которое успешно выполнил. Трагическое завершение судьбы этого незаурядного человека глубоко и надолго опечалило его оренбургских друзей, о чем свидетельствует, например, письмо Н.В.Ханыкова к В.И. Далю, написанное тридцать лет спустя и хранящееся сейчас в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге.

Обстановка в Оренбурге между тем становилась все напряженнее. Продолжалась переписка с правительством по поводу проекта задержания всех торгующих в России хивинских купцов с целью заставить Хиву вернуть русских пленников. Архивные документы, в том числе и написанные рукой В.И.Даля, показывают, что вначале Перовскому было разрешено задерживать "праздношатающихся" хивинцев, которые разъезжают по степи под предлогом мелочной торговли или "принимая на себя название мулл", восстанавливают казахов против России и "побуждают к уводу людей, которых передают невольниками в Хиву и другие соседние владения".

Однако более решительные меры долго отвергались и взамен предлагалось "усилить из государственного казначейства денежные средства на выкуп пленных". Как писал вице-канцлер К. В. Нессельроде, "тогда бухарцы и хивинцы, движимые чувством интереса, сами станут мало-помалу привозить к нам наших пленных и мы успеем, если не всех, то по крайней мере часть их освободить из неволи, не причиняя тем ни малейшего расстройства торговле, безопасность и сохранение коей при всех наших действиях относительно народов Средней Азии есть первая и главнейшая цель, с которой должны собразоваться все прочие".

В ответ последовало гневное и убедительное письмо Перовского, подготовленное, видимо, Далем (его рукой написаны дата и адрес). В нем эта мера отвергается, так как иначе "продажа русских русскому правительству обратилась бы в постоянный и доходный промысел". Сейчас, сказано в письме, с помощью выкупа удается освободить в год лишь 2-5 человек, тогда как увозится в плен от 50 до 100. Уже складывается мнение, что "правительство не считает нужным или возможным принять меры против этого зла" и растет "ропот народный".

И.В. Виткевич

Перовский утверждает далее, что "дерзость и самонадеянность хивинцев будет возрастать по мере снисходительности с нашей стороны и жалкая, смешная, но крайне невыгодная уверенность их, что Россия без Хивы существовать не может, упрочиваясь более и более, будет руководить и управлять действием и поступками их еще в большей степени, чем ныне". Поэтому, по его мнению, необходимо принять справедливые и решительные меры "для наказания дерзкого, строптивого и наглого образа мыслей и действий", учитывая, что "здесь дело идет о сохранении достоинства Державы, о благе народном, о произведении в быту невежественного и изуверского правительства, общеполезного перелома".

Нессельроде возражал Перовскому, повторяя прежние доводы и напомнив, что "при нынешнем положении дел в Европе" резкое выступление против Хивы "было бы вовсе несообразно с нашими видами и лишь сделало бы политические обстоятельства еще сложнее и затруднительнее". В ответном обширном письме от 5 мая 1836 года Перовский доказывает, что отношения с хивинцами и так уже обострились до предела, что "они того только не делают, чего сделать не в состоянии", что "бездействие наше ободряет наглых проходимцев", что "на письменные сношения Хива не отвечает, смеется в глаза, посланным грозит смертью и рабством, а отвечает дерзко, грубо, заносчиво". В результате казахи теряют уважение к России и среди них начинается смута, так что вскоре, может статься, "останется только действовать оружием, чего при нынешних обстоятельствах желать не должно".

В подтверждение своих выводов Перовский ссылается на отправляемую им в Петербург "подробную записку", которая "составлена из показаний прапорщика Виткевича, на слово коего можно положиться". В конце концов правительство признало убедительность доводов Перовского и 22 июня К.К.Родофиникин сообщил ему, что "Государь Император вчера ввечеру собственноручно утвердить изволил "постановление Азиатского комитета, разрешающее оренбургскому военному губернатору действовать на основании предложенного им плана. При этом подчеркивалось, что "задержание хивинских купцов следует произвести не в каком-либо одном месте, а желательно одновременно по Оренбургской и Сибирской линиям, в Астрахани и на Мангышлаке", и непременно объявить, что "все сии строгости относятся токмо до одних хивинцев, и тем успокоить прочих азиатцев, ведущих с нами торговлю".

Акция, отложенная до осени, была проведена 20 августа. На оренбургском Меновом дворе задержали 372 хивинских купцов, а их товары - "примерно на полмиллиона" - были опечатаны и взяты на хранение. В послании Перовского к хану объявлялось, что им будет позволено уехать вместе с имуществом только после того, как справедливые требования России будут выполнены.

Было высказано следующее требование: "Верните всех русских пленников и дайте ханское слово вести себя впредь мирно и дружественно; не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление кайсацкого народа, дайте подданным Императора Всероссийского те же права у вас, какие он дает у себя вашим, - и старое забыто".

В.И.Даль непосредственно участвовал в разработке плана акции и составлении связанных с ней документов. Его рукой, например, написан текст распоряжений военного губернатора от 14 августа 1836 года, которые были отданы Пограничной комиссии, таможне, полицмейстеру, армейским и казачьим офицерам.

Как и другие, он был уверен в действенности принятых мер, поскольку, согласно полученным сведениям, хивинский хан принял решение немедленно вернуть на родину русских пленников.

Тем временем В.А.Перовский готовился к командировке в Петербург, куда собирался отправиться вместе с В.И.Далем поздней осенью. В столице военный губернатор предполагал получить оценку некоторых своих проектов - как внешнеполитических, так и научных, связанных с изучением Оренбургского края. К последним относилось предложение об отправке исследовательской экспедиции к северо-восточным берегам Аральского моря. Этот проект Перовский намеревался обсудить в правительстве и в Академии наук. Занимал его и план создания "Музеума естественных произведений Оренбургского края", также требовавший поддержки петербургских ученых.

Понимая важность изучения природы Оренбургского края в то время еще совсем мало известной, Перовский всячески содействовал научным изысканиям, направленным на решение этой задачи. В 1835 году по его инициативе в Оренбурге начали проводиться метеорологические наблюдения с помощью барометра и термометра, которые он заказал в механических мастерских Казанского университета. Проводить наблюдения он поручил магистру философии Ф.К.Зану, польскому политическому ссыльному, который исполнял обязанности смотрителя музея Неплюевского военного училища. Страстный любитель природы, Зан занимался геологией и минералогией, собрал богатые коллекции горнокаменных пород, трав и насекомых. В этом отношении он имел верного единомышленника в лице В.И.Даля.

У В.И.Даля с поездкой в Петербург были связаны также собственные, чисто литературные планы. Ему предстояло выяснить отношения со столичными издателями, которые перестали его удовлетворять. Это касалось прежде всего редактора журнала "Библиотка для чтения", О.И. Сенковского. Известный ученый-востоковед, занявшийся литературой и писавший под псевдонимом "барон Брамбеус", снискал себе в области журналистики дурную славу. Как редактор он допускал произвол по отношению к авторам и их текстам, что крайне возмущало Даля. Об этом он писал своей сестре П.И.Шлейден, негодуя по поводу исправлений, которые Сенковский внес в только что вышедшую "Сказку о Георгии Храбром и волке". Чувства Даля выражены в написанной им в августе статье "Во всеуслышанье", которую адресовал А.С. Пушкину издателю нового журнала "Современник" (См. "Вечерний Оренбург", №23).

Литературная работа Даля шла успешно. В 1836 году была напечатана повесть "Бикей и Мавляна" и вышла третья часть его "Былей и небылиц". Несмотря на загруженность служебными делами, он, как видно из его писем к сестре, закончил "Памятную книжку для нижних чинов императорских казачьих войск", которая содержала правила, регламентирующие службу и жизнь казака, и была написана в простой, доступной форме.

1836 год ознаменовался для Даля радостным семейным событием: 4 марта родился второй сын, нареченный Святославом.

Кроме того, он обзавелся купленным по случаю собственным домом, которым была весьма довольна вся семья, включая Юлию Христофоровну, мать Даля, переехавшую к тому времени в Оренбург.

Собираясь в столицу, Даль тревожился за жену, которая надолго оставалась одна с детьми, но одновременно радовался предстоящим петербургским встречам. Командировка началась в декабре и продлилась всю зиму.

---

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Чиновник особых поручений

В.И.Даль в Оренбурге. Год пятый*

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

1837 год В.И.Даль встретил в Петербурге, куда прибыл в декабре вместе с В.А.Перовским в длительную служебную командировку. Как он и ожидал, эта поездка в столицу, первая за время службы в Оренбурге, оказалась для него очень интересной и полезной. Он смог повидаться со старыми друзьями и родственниками по материнской линии, возобновить знакомства в писательской среде, установить личные деловые отношения с издателями.

Круг столичных литераторов принял Даля как признанного писателя, автора многих произведений, получивших к тому времени широкую популярность. Он включился в борьбу против "торгового" направления в журналистике, которое олицетворял редактор "Библиотеки для чтения" О.И.Сенковский (Барон Брамбеус), и сошелся с близкими ему по взглядам В.Ф.Одоевским, А.А.Краевским, А.П.Башуцким и др. Центральной фигурой этой группы был А.С.Пушкин, с которым Даль общался часто и дружески. Продолжалось и его старое знакомство с В.А.Жуковским и Н.И.Гречем.

Столичная жизнь давала немало ярких впечатлений. Представление о том, чем жил Петербург в зимние месяцы 1837 года, мы можем составить, перелистав подшивки газет "Северная пчела" и "Литературные прибавления к Русскому инвалиду". В середине января сообщалось, что в Большом театре шли спектакли "Жизнь за царя" М.И.Глинки и "Севильский цирюльник" Дж.Россини, что из печати вышли третье издание "Евгения Онегина" А.С.Пушкина и вторая книга записок "кавалерист-девицы" Надежды Дуровой. Но особое внимание привлекали начавшиеся в сентябре пробные поездки по первой железной дороге, связавшей Царское село с Павловском. Несмотря на суровую зиму, они проходили успешно и, как писала 8 января "Северная пчела", показали, что "хорошо устроенные железные дороги могут служить и в самую дурную погоду: ни дождь, ни буря с метелью, ни сильные морозы им не мешают". Следующие десять поездок были благополучно проведены 24 января и газета известила, что вскоре будет объявлено о времени открытия всей дороги.

А затем последовало известие о горестном событии, потрясшем Петербург. "Сегодня, 29 января, — писала "Северная пчела", — в 3-м часу пополудни литература русская понесла невознаградимую потерю: Александр Сергеевич Пушкин, по кратковременных страданиях телесных, оставил сию обитель. Пораженные глубочайшей горечью, мы не будем многоречивы, при сем сообщении: Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-летние заслуги его на поприще словесности, которые были ряд блистательнейших и полезнейших успехов в сочинении всех родов. Пушкин прожил 37 лет: весьма мало для человека обыкновенного и чрезвычайно много в сравнении с тем, что совершил уже он в столь краткое время существования, хотя много, очень много могло бы еще ожидать от него признательное отечество".

"Литературные прибавления к Русскому инвалиду" в тот день поместили в черной рамке короткий текст, составленный В.Ф.Одоевским: "Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более о сем говорить не имеет силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратной потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужли в самом деле нет уже у нас Пушкина? К этой мысли нельзя привыкнуть!"

В этом же номере газеты было опубликовано очередное произведение В.И.Даля — украинская сказка "Ведьма". Для него гибель Пушкина стала огромной личной трагедией. Узнав от Башуцкого о дуэли и ранении поэта, он сразу пришел к нему на квартиру, "приблизился, — как он писал позднее, — к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток". Воспоминания Даля стали для исследователей жизни Пушкина важнейшим документом, который составил не только глубоко потрясенный друг, но и опытный врач, поставивший диагноз и объективно описавший ход смертельной болезни.

Однако никакие личные переживания не могли отвлекать В.И.Даля от исполнения служебных обязанностей, которые привели его в Петербург. Он помогал В.А.Перовскому в деловых хлопотах, дававших видимые результаты. Так, 20 февраля "Северная пчела" опубликовала указ Николая I, в котором говорилось: "Желая преподать способы к возникновению благосостояния пограничного города Оренбурга и усилить непосредственную торговлю жителей с Азией, признали мы за полезное... распространить на сей город облегчения в платеже гильдейских повинностей и подушной подати, предоставленные Астрахани нашим указом от 30 октября 1836 года".

8 марта газета напечатала Высочайший рескрипт на имя Перовского, в котором выражалось одобрение мерам, принятым "против туркмен и адаевцев, обитающих на восточных берегах Каспийского моря, близ Мангышлака, для наказания их за разбой и грабежи, произведенные ими в течение минувшего года на водах Каспийских и даже в самых устьях Волги и Урала". Высказывалась "признательность за сей новый опыт неусыпной попечительности вашей о сохранении, пользе и выгоде вверенного вам края".

Перовский получил поддержку и в политике в отношении Хивы, так как при усилении военной активности англичан в Афганистане это ханство угрожало содействовать в их планах проникновения в Среднюю Азию, на территории, пограничные с Россией. Как видно из некоторых, пока еще не опубликованных писем В.И.Даля, в это время все были уверены, что задержание хивинских купцов вскоре даст ожидаемый результат: из Хивы будут возвращены все русские невольники и хан прекратит действия, враждебные России.

Столь же успешно Перовскому удалось решить и вопросы, связанные с Академией наук. Прежде всего с ней были согласованы и получили правительственную поддержку его планы организации научной экспедиции к восточным берегам Аральского моря. Было решено провести ее весной 1838 года, а приготовления начать немедленно. В Оренбурге руководить подготовкой экспедиции должен был В.И. Даль.

Другим серьезным научным предприятием, в котором ему предстояло играть главную роль, было устройство "Музея естественных произведений Оренбургского края". Для осуществления этого проекта также требовалась поддержка Академии наук. В.А.Перовский обратился с просьбой о содействии к директору Зоологического музея академику Ф.Ф.Брандту и получил его согласие обучить четырех оренбургских подростков чучельному искусству. Взамен ему была обещана доставка образцов редких животных, обитавших в Оренбургском крае и зауральских степях. Главным исполнителем этих обязательств стал В.И.Даль, принимавший непосредственное участие в переговорах с академиком.

Его письма к Ф.Ф.Брандту, недавно обнаруженные в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук и сейчас готовящиеся к печати, показывают, что между ними установились тесные научные и дружеские связи. Даль еще в университете испытывал к биологии особый интерес и был, кроме того, страстным охотником. В ходе общения с Брандтом и работы по организации музея в Оренбурге он настолько усовершенствовал свои познания в зоологии, что стал считаться профессионалом в этой области и в результате был избран членом-корреспондентом Академии наук по естественному отделению.

С организацией музея было связано и приглашение в Оренбург молодого дерптского ученого Александра Лемана, сопровождавшего в 1837 году академика К.М.Бэра в экспедиции на Новую Землю. В.И.Даль знал его еще мальчиком в Дерпте и, несомненно, именно он посоветовал В.А.Перовскому предложить талантливому натуралисту заняться исследованием природы Оренбургского края и устройством музея. В 1838 году Леман получил официальное приглашение и принял его.

Но все это произошло позднее, а зимой 1837 года В.И.Даль как чиновник особых поручений был поглощен делами по управлению Оренбургским краем, которые решал в столице военный губернатор. Он счел, например, необходимым заключить договор с петербургским механиком англичанином Ишервудки об устройстве в Оренбурге водоподъемный паровой машины для обеспечения горожан водой из Урала.

Еще более важным в то время для Перовского был вопрос о маршруте начинавшегося в мае путешествия по России наследника престола, будущего императора Александра II. Программа поездки, составленная его воспитателем В.А.Жуковским, предполагала, что от Царского села он проследует через Новгород, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург до Тобольска, а затем вернется в Москву. В первоначальном печатном варианте маршрута путешествия Оренбург не фигурировал. Перовский, заинтересованный в том, чтобы высокий гость посетил земли вверенного ему края, по-видимому, приложил все силы для соответствующего изменения маршрута. Для этого он, отправив В.И.Даля в марте в Оренбург с поручением заняться годовым отчетом, сам оставался в столице до 4 мая. Оттуда, как видно из архивных документов, он сообщил 27 марта, что великий князь проследует через Оренбургский край в начале июня, а затем посылал подробнейшие распоряжения относительно организации его приема.

Город, готовясь к торжественному событию, жил в напряженном ожидании. В.И.Даля это событие радовало, так как среди сопровождающих наследника лиц был В.А.Жуковский. Старая дружба с знаменитым писателем окрепла в часы, проведенные вместе у постели умирающего Пушкина.

Путешественники прибыли 12 июня и в путевом дневнике Жуковского появилась запись: "Приезд в Оренбург, в три часа пополудни. Тотчас с Далем на берег. Роща за Уралом". Дальше отмечено: "Вечер с Далем. Бал".

Из кратких заметок Жуковского видно, что и в следующие два дня они провели вместе много времени. Отмечены "разговор с Далем", пребывание "у Далевой жены". Когда 15 июня гости покинули Оренбург, В.И.Даль был в числе лиц, провожавших их до Уральска. Жуковский записал, что он ехал "вместе с Перовским", его старым ближайшим другом, но "сначала в тарантасе с Далем".

По возвращении из Уральска В.И. Даля ожидало семейное горе: скончался его маленький сын Святослав. Для него это было тяжелым ударом, но предаваться печали долго не пришлось. В первых числах июля он вновь оказался в Уральске в связи с инцидентом, происшедшим 16-17 июня во время пребывания там наследника, когда группа казаков пыталась подать ему жалобу на притеснения местных властей. После отъезда высокого гостя наказной атаман В.О.Покотилов оповестил Перовского об "опасном брожении умов в казачьем войске" и тот прибыл с военным отрядом для разбирательства, в котором должен был участвовать и В.И.Даль.

Виновные были наказаны, зачинщики сосланы в Сибирь. Подробное описание всех обстоятельств этого дела дано в приказе Перовского по Уральскому войску от 4 июля 1837 года. Его текст, опубликованный в 1897 году в журнале "Русская старина", написан В.И.Далем.

В Уральске он — впервые после возвращения из Петербурга — смог заняться написанием писем к столичным литераторам (см. публикацию Г.П.Матвиевской и А.Г.Прокофьевой в №№ 1 и 3 газеты "Вечерний Оренбург" за 2001 год) и к сестре П.И.Шлейден. Эти письма чрезвычайно интересны, так как помогают понять, какой напряженной была в это время творческая жизнь В.И.Даля, который сумел совмещать свою нелегкую службу с литературной деятельностью. Именно он написал и опубликовал многие из своих самых известных произведений.

Несколько позже, в сентябре началась его научная переписка с Ф.Ф.Брандтом. В первом же письме он извещал академика об отправке в Петербург для Зоологического музея большого числа шкур редких животных и птиц.

Публикация этих писем позволяет по-новому осветить оренбургский период жизни и творчества В.И.Даля.

* Исследования проводятся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

«ВЕЧЕРНИЙ ОРЕНБУРГ»
приглашает к сотрудничеству
профессиональных
ЖУРНАЛИСТОВ
Предоставляется жилье.
Редакция также выплачивает гонорар лицам, предоставившим информацию для публикации.
Тел. 41-64-23.

ГОД В.И.ДАЛЯ